

ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-231-247

В поисках выхода из политического кризиса в Калмыцком ханстве: организация убийства Нитар-Дорджи в 1725 г.

*Владимир Толтаевич Тепкеев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tv75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Тепкеев В. Т., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена одной из малоизвестных страниц в истории Калмыцкого ханства — политическому убийству Нитар-Дорджи в 1725 г. *Цель* статьи — введение в научный оборот новых архивных сведений о периоде правления калмыцкого хана Церен-Дондука (1724–1735 гг.). Источниковой базой послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия, хранящиеся в фонде И-36. В «Журнале по калмыцким делам» отложились донесения и рапорты астраханского губернатора А. П. Вольнского «О происходивших между калмыцкими владельцами ссорах и междоусобиях». *Результаты.* Антироссийские действия Нитар-Дорджи, такие как избивание переводчика В. М. Бакунина, угроза убийства астраханского губернатора А. П. Вольнского, стремление бежать на Кубань и др., создали условия для его физической нейтрализации. *Выводы.* Организация убийства Нитар-Дорджи шла на всех уровнях и должна была предотвратить угрозу затягивания политического кризиса в Калмыцком ханстве. Инициатива его убийства исходила от калмыцкой стороны, хотя губернатор А. П. Вольнский не исключал варианта его ареста. Старший брат Досанг также выступал за нейтрализацию мятежного брата, поскольку рассчитывал на снисхождение к своей персоне со стороны российского правительства и примирение с партией наместника Церен-Дондука, которая, как видно из документов, выступала за силовое решение внутрикалмыцкого конфликта.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, калмыки, Артемий Вольнский, русско-калмыцкие отношения, Нитар-Дорджи

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. В поисках выхода из политического кризиса в Калмыцком ханстве: организация убийства Нитар-Дорджи в 1725 г. // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 231–247. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-231-247

Surmounting Political Crisis in Kalmyk Khanate: Background and Arrangement of Nitar-Dorji's Assassination in 1725

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Tepkeev V. T., 2021

Abstract. *Introduction.* The article deals with the 1725 assassination of Nitar-Dorji, a significant political event in the Kalmyk Khanate's history that so far has not been investigated in detail. The article *aims at* introducing new archival material devoted to the period of Kalmyk Khan Tseren-Donduk' rule (1724–1735). The database of the research is formed of the material kept in the National Archive of the Republic of Kalmykia, fonds I-36. In particular, "Zhurnal po kalmytskim delam" (A Journal of Kalmyk Affairs) includes reports and messages of A. P. Volynsky, the Astrakhan governor, under the title "Quarrels and Feuds that took place between Kalmyk owners". *Results.* Nitar-Dorji's anti-Russian actions, such as beating of the translator V. Bakunin, threats to assassinate Volynsky, his plans to escape to Kuban, etc. were the reasons that provoked his murder. *Conclusion.* Its organization involved participants at every level, while the act itself was seen as the least harmful method of solving the political crisis in the Kalmyk Khanate. Nitar-Dorji's assassination was initiated by the Kalmyk side, while the Astrakhan governor was not wholly against his arrest. Dosang advocated the "neutralization" of his rebellious younger brother, because the taishi himself was seeking to repair his relations with the Russian government and with Tseren-Donduk's party who insisted on using military power to solve the conflict between the Kalmyk taishi.

Keywords: Kalmyk Khanate, Kalmyks, Artemy Volynsky, Russian-Kalmyk relationship, Nitar-Dorji

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies in Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Tepkeev V. T. Surmounting Political Crisis in Kalmyk Khanate: Background and Arrangement of Nitar-Dorji's Assassination in 1725. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(2): 231–247. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-231-247

Введение

Организация политических убийств в Калмыцком ханстве являлась весьма редким явлением. Ярким примером может послужить история неудачной попытки убийства старшего ханского сына Чакдорджаба, вылившаяся в калмыцкую усобицу между ханом Аюкой и его старшими сыновьями и повлекшая политический кризис в ханстве в 1701–1702 гг. Срочное вмешательство в калмыцкие дела российского представителя, боярина Б. А. Голицына, позволило тогда примирить конфликтующие стороны, но не помогло избежать массового ухода 15 тыс. кибиток из России в Джунгарию.

Следующий политический кризис в ханстве произошел только в 1722–1725 гг. И здесь не обошлось без организации убийства одного из его активных

участников — Нитар-Дорджи. В отличие от предыдущего случая, организация нейтрализации Нитара-Дорджи достигла своей цели и была не сигналом к началу кризиса, а его завершением, которое если и не устроило все стороны конфликта, то надолго отложило его силовое разрешение с дальнейшими негативными последствиями для калмыцкого народа.

В историографии этой теме уделено весьма поверхностное внимание, исключение составляют работы А. Г. Митирова [[Митиров 1998: 130–144](#); [Митиров 2002: 149–164](#)]. Однако указанный автор, подробно изложив деятельность и обстоятельства убийства Нитар-Дорджи, не снабдил свою работу ссылками на архивные документы.

А. В. Цюрюмов считает, что угроза союза астраханского губернатора с калмыцким наместником толкнула Досанга на убийство Нитар-Дорджи — самой одиозной фигуры, мешавшей урегулированию внутрикалмыцкого конфликта [[Цюрюмов 2005: 68](#)].

Теме политических убийств как инструменту политической борьбы на южном пограничье посвятил свою работу и Д. В. Сень. Он отмечает, что поведение и активность Нитар-Дорджи, обладавшего строптивым характером, вызывали опасение российского правительства еще и потому, что были данные о его связях с кубанским Бахта-Гиреем и о стремлении откочевать с Волги на Кубань [[Сень 2019: 552](#)].

Цель статьи — введение в научный оборот новых сведений о периоде правления калмыцкого хана Церен-Дондука (1724–1735 гг.), связанных с одной из малоизвестных страниц в истории Калмыцкого ханства — политическим убийством Нитар-Дорджи в 1725 г.

Материалы и методы

Источниковой базой статьи послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия, хранящиеся в фонде И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе». В «Журнале по калмыцким делам» отложились донесения и рапорты астраханского губернатора Артемия Павловича Волынского и его помощников, а конкретно — дело «О происходивших между калмыцкими владельцами ссорах и междоусобиях» [[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15](#)].

Сведения от непосредственных участников событий 1725 г. позволяют исследователю проанализировать разные свидетельства о деле организации убийства Нитар-Дорджи и дать собственную оценку. Данная тема требует тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных. История непростых внутренних взаимоотношений Калмыцкого ханства затрагивала разные политические проблемы, в решении которых в первую очередь принимало участие Российское государство. Достоверность представленных архивных сведений проверялась путем выявления их происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками, содержащими похожую информацию.

Начало политического кризиса в Калмыцком ханстве

В 1722–1725 гг. в Калмыцком ханстве разразился политический кризис, связанный с борьбой за наследственную власть и разделом наследства в правящем доме. В 1714 г. хан Аюка официально признал своим преемником старшего

сына Чакдорджаба, передав ему первую ханскую печать. Однако 19 февраля 1722 г. (за два года до смерти отца) старший сын умирает, оставив после себя двенадцать сыновей: старшего Бату, рожденного от ногайской наложницы, не имевшего права на власть, троих сыновей (Досанга, Бакадай-Дорджи и Нитар-Дорджи) — от первой законной супруги и восьмерых сыновей (Дондук-Даши, Данджин-Дорджи, Бодонга, Гунцук-Джал, Яндыка, Дорджи-Раши, Солом-Добчин и Бусурмана) — от второй.

Преждевременная смерть старшего сына-наследника заставила Аюку пересмотреть свое решение о передаче власти. В этом вопросе, по всей видимости, большую роль стала играть и его младшая супруга Дарма-Бала, родившая ему двух сыновей — Церен-Дондука и Галдан-Данджина, также имевших право на власть. Помимо младших ханских сыновей, на власть могли претендовать не только старшие сыновья покойного Чакдорджаба, но и Дондук-Омбо — ханский внук, сын Гунджаба, имевший серьезную поддержку хана Аюки, а затем и ханской вдовы Дарма-Балы.

Но первоначально конфликт разгорелся между старшими сыновьями Чакдорджаба, который перед смертью завещал им держаться вместе под началом Досанга. Первым, кто нарушил отцовское завещание, был Дондук-Даши, посчитавший себя обманутым при разделе кибиток и откочевавший от братьев к хану Аюке. В дальнейшем его примеру последовали Бату и Данджин-Дорджи. Незадолго до смерти хан Аюка пытался примирить внуков путем переговоров, но каждый раз этот процесс заходил в тупик.

Именно в этот критический период впервые себя проявил Нитар-Дорджи, младший единоутробный брат Досанга. Когда старший брат прибыл на переговоры к деду Аюке в сопровождении вооруженного войска во главе с Нитар-Дорджи, это вызвало возмущение со стороны остальных владельцев. Противники Досанга постоянно ему ставили это в упрек, высказывая, что он тем самым обесчестил хана, проявив неуважение к деду. Этот случай стал сигналом к открытому вооруженному столкновению, на которое «дал отмашку» хан Аюка [Митиров 2002: 150–151].

24 ноября 1723 г. улусы Досанга подверглись нападению со стороны коалиционного войска во главе с Дондук-Омбо¹, и только личное вмешательство астраханского губернатора А. П. Волынского спасло его от окончательного разгрома. Однако большая часть кибиток все-таки была захвачена нападавшей стороной, Досангу с ближайшим окружением и двумя тысячами кибиток удалось скрыться через реку Ахтубу. Начало вооруженного конфликта привело к движению всех калмыцких улусов, так как каждый из владельцев старался держаться отдельно, опасаясь нападения.

После смерти хана Аюки 19 февраля 1724 г. губернатору А. П. Волынскому около полугода пришлось решать вопрос о престолонаследии, пока он 20 сентября 1724 г. не объявил Церен-Дондука наместником Калмыцкого ханства. При посредничестве губернатора и духовенства Досанг был вынужден пойти на примирение с Дондук-Даши, но, как показали дальнейшие события, толь-

¹ Дондук-Омбо — двоюродный брат Досанга, сын Гунджаба и внук хана Аюки. После смерти хана в 1724 г. был одним из главных претендентов на власть в ханстве. В 1735 г. был провозглашен российским правительством наместником Калмыцкого ханства, а 1737 г. — ханом. Умер в 1741 г.

ко временно. В конце 1724 г. Дондук-Даши, Бату и Данджин-Дорджи вновь откочевали от старшего брата, в ответ на это Досанг 24 февраля 1725 г. силой возвратил эти улусы [Цюрюмов 2005: 65].

Младший брат Досанга, Баксадай-Дорджи, стремясь получить поддержку российского правительства, принял решение креститься. В ноябре 1724 г. в Петербурге состоялась процедура крещения молодого калмыцкого владельца, получившего новое имя — Петр Петрович Тайшин. Крестным его выступил сам российский император. Однако этот шаг вызвал сильное недовольство со стороны других калмыцких владельцев, особенно его братьев, считавших виновным в крещении Баксадай-Дорджи губернатора. В ответ Нитар-Дорджи применил насильственные действия против переводчика В. М. Бакунина и угрожал убийством А. П. Волынскому. Все эти действия не могли остаться без ответа, поэтому губернатор постепенно отказался от поддержки партии Досанга и принял сторону наместника [Батмаев 1993: 239; Митиров 1998: 138–139].

Подготовка к убийству

Убийство Нитар-Дорджи обсуждалось и готовилось на всех уровнях, но инициатива шла от его родного брата, который более всего его опасался. 3 июля 1725 г. Петр Тайшин сообщал губернатору о намерении Нитар-Дорджи бежать на Кубань. В строжайшей секретности он предложил губернатору отравить брата, и для этого у него даже был человек, который мог бы это сделать. Но, опасаясь из-за возможной огласки брать отраву у калмыцких лекарей, он просил прислать ее к нему вместе с вином. А. П. Волынский сразу отдал распоряжение лекарю Меллеру о выделении Петру Тайшину отравляющего вещества и вина, а также пообещал выдать 50 руб. тому человеку, который отравил бы мятежного владельца [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 361об.].

На следующий день Петр Тайшин снова предупредил губернатора о готовности Нитар-Дорджи с двумя сотнями своих людей бежать на Кубань. Тревожные вести из калмыцких улусов заставили А. П. Волынского срочно информировать бригадира Андрея Витерани о возможности прорыва через Царицынскую линию калмыков во главе с Нитар-Дорджи и ухода их на Кубань. Губернатор приказал не только усилить охрану Царицынской линии, но и при возможности физически устранить или пленить Нитар-Дорджи, обещая за мертвого владельца 50 руб., а за плененного — 100 руб. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 362–362об.].

13 июля в Царицын к губернатору прибыл зайсанг Самтан с письмом от наместника, в котором тот сообщал о своем отбытии в военный поход против казахов. Известный и авторитетный зайсанг Самтан был делегирован наместником для решения вместе с губернатором конфликта между Досангом и Дондук-Даши [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 367об.].

А. П. Волынский выразил сомнение по поводу воинственного настроения Церен-Дондука против казахов, предложив все-таки для начала разрешить все конфликты внутри калмыцкого общества, а уже потом воевать против внешнего неприятеля. Самтан согласился с этим, подтвердив, что калмыцким владельцам наибольшую проблему создают не казахи с каракалпаками, а Досанг, чьи люди представляют серьезную угрозу. Церен-Дондук и другие владельцы просили губернатора о посредничестве в примирении с Досангом, или они готовы были решить эту проблему самостоятельно вооруженным путем [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 368–368об.].

А. П. Волынский заверил Самтана, а через него и других владельцев, что он уже несколько месяцев бьется над этой проблемой, чтобы их примирить. Губернатор ставил себе в заслугу, что ему все-таки с большим трудом удалось заставить Досанга со своими улусами перейти за Царицынскую линию, но окончательно повлиять на него он не мог. Досанг и Нитар-Дорджи, по мнению губернатора, не только не стремятся примириться с Дондук-Даши, но и хотят убить своего брата Петра Тайшина, который вынужден от них скрываться в Дмитриевске. А. П. Волынский напомнил Самтану и о случае попытки Нитар-Дорджи убить переводчика В. М. Бакунина и других представителей губернской власти, а также о его желании уйти на Кубань. Обо всем этом А. П. Волынский докладывал в Петербург и предлагал Церен-Дондуку и другим владельцам самостоятельно решить проблему с Досангом², если ему так и не удастся их примирить. Но тут губернатор делал существенную оговорку, что силовое решение этой проблемы калмыками должно решаться только с позволения императорского указа, а не самовольно [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 368об.–369об.].

Далее губернатор просил Самтана передать владельцам, что он всегда, в любом конфликте, будет на стороне тех, кто прав. Например, отмечал он, в 1723 г., когда Досанг был разорен своими братьями, губернатор считал правым именно его и был на его стороне. Теперь же, в нынешнем конфликте, он считал правым Дондук-Даши и поддерживал именно его [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 370].

Петр Тайшин сообщил губернатору о приезде к Царицыну брата Нитар-Дорджи с тремя сотнями человек и его готовности помириться [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 372об.]. Однако Нитар-Дорджи отказался выехать на встречу с губернатором и Петром Тайшиным в Дмитриевск. Вместо этого он остановился возле Дубовской слободы, где его люди были замечены в ограблении и убийстве русских людей, встречавшихся на их пути. Как сообщал губернатору Петр Тайшин, брат пытался всячески выманить его к себе путем якобы примирения, а затем бежать на Кубань [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 373–373об.].

А. П. Волынский предлагал Петру Тайшину совместную операцию по поимке Нитар-Дорджи. В частности, губернатор собирался отправить партию по поимке и просил у него надежного человека, который мог бы показать в ночное время место стоянки мятежного владельца, чтобы его убить или взять в плен. Однако П. Тайшин отказался от этой затеи, сославшись, что его брат кочует вместе с его улусными людьми, которые могли бы пострадать [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 373об.].

14 июля из Дубовской слободы в Царицын тайно был отправлен подполковник Заозерский, которому был дан приказ встретиться с полковником Еропкиным и потребовать от него тысячу хорошо вооруженных малороссийских казаков, а затем с донским атаманом Осипом Поздеевым двигаться по внешней стороне Царицынской линии. Совместными усилиями они должны были поймать Нитар-Дорджи и зайсанга Дюбжура «живым или как бог даст». Была обещана и денежная награда за поимку: за Нитар-Дорджи полагалось 200 руб., а за зайсанга — 100 руб. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 374–377].

² Досанг был главой партии владельцев, которая противостояла партии наместника и др. В нее как его младший брат входил и Нитар.

18 июля А. П. Волынский получил из Коллегии иностранных дел грамоту от 24 июня, в которой настоятельно указывалось всеми мерами склонять калмыцких владельцев к примирению и не допустить их ухода за пределы российского государства [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 378–378об.]. В этот же день Нитар-Дорджи сообщил губернатору, что помирился с братом Петром Тайшиным и готов был передать ему улус в 600 кибиток. Вечером он пытался встретиться с губернатором, но так и не решился приехать в его лагерь. А. П. Волынский от имени Петра Тайшина отправил ему 5 ведер вина и 6 ведер медовухи [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 378].

19 июля губернатор получил сведения, что Нитар-Дорджи был разбит отрядом полковника Заозерского. А. П. Волынский вместе с Петром Тайшиным выехали на место сражения, где застали сводный отряд Заозерского, который насчитывал 150 донских казаков, 100 драгун, 280 украинских казаков и 638 казаков с Царицынской линии. Подойти ночью незаметно к лагерю Нитар-Дорджи отряду Заозерского не удалось, их заметили караульные калмыки, которые стали стрелять, что позволило владельцу скрыться в степи. В ночном бою погибло около ста калмыков и взят в плен 61 человек, другим удалось разбежаться. Группа преследования, состоявшая из 300 казаков под командой атамана Моисея Осипова, около 20 верст гналась за бежавшим владельцем, но так и не смогла его настичь, поскольку у калмыков лошади были более свежими [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 380об.].

19 июля губернатор сообщил Досангу о последних событиях и приказал ему принять все меры, чтобы арестовать мятежного брата, а в случае его возможного ухода на Кубань или в Крым возлагал на Досанга всю ответственность. А. П. Волынский понимал, что Нитар-Дорджи некуда было идти, кроме старшего брата, под влиянием которого он еще находился. А. П. Волынский пообещал Досангу, что в случае пленения Нитар-Дорджи сохранит ему жизнь и достойное содержание под арестом, как и подобает владельцу. А. П. Волынский также заверил Досанга, что предпримет все меры, чтобы примирить его с другими братьями и владельцами, а Петра Тайшина соединит с его владением, как он о том желает. Но главным условием оставалась поимка Нитар-Дорджи и его сторонников, участвовавших в грабежах русского населения [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 380–381об.].

Пленные калмыки под пыткой дали признательные показания. В частности, зайсанг Ажолчик Кумандыков говорил о попытке Нитар-Дорджи склонить Досанга к уходу из российских пределов. Однако старший брат был настроен к примирению с партией Церен-Дондука, что вызывало резкое неприятие со стороны Нитар-Дорджи. Стоит отметить, что даже супруга старшего брата, Солом, выступала за изгнание Нитар-Дорджи из улуса. Под пытками пленный зайсанг признался и о попытке его владельца еще весной напасть на губернатора и майора Беклемишева и взять их в плен, когда те собирались ехать из Царицына в Саратов сухим путем. Для этой цели за рекой Медведицей удалось собрать сводное войско, куда входили люди Нитар-Дорджи, Досанга, Лекбея и Дондука. Однако возвратившийся из Царицына Досанг сообщил, что губернатор поедет водным путем, и распустил войско. После состоялся съезд партии Досанга, куда входили вышеназванные владельцы, а также Убагара, супруга Лекбея и сестра

Досанга, зайсанги Билютка, Барус, Бабисар, Самандаган, Бишерел, Дюбжер и Сак. Съезд владельцев принял общее решение — отправить к Царицыну Нитар-Дорджи с 200 вооруженными людьми, чтобы выманить от губернатора Петра Тайшина, а затем его убить. Губернатора они также планировали захватить в плен и в качестве заложника взять его с собой при переходе через Царицынскую линию, чтобы уйти на Кубань. Если бы не удалось захватить или убить губернатора, то они все равно планировали уйти на Кубань, а Досангу предложили остаться на прежнем месте под предлогом, что он якобы ничего не ведал [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 384об.–385об.].

На столь радикальные меры по отношению к А. П. Волынскому этих владельцев, как сообщал указанный пленный зайсанг, подтолкнуло несколько причин: во-первых, губернатор вмешался в их конфликт и постоянно призывал Досанга к примирению с владельцами враждебной партии, отняв при этом часть кибиток и возвратив их братьям; во-вторых, губернатор, как они считали, заманил их обманом за Царицынскую линию; в-третьих, прямым виновником ухода от них Петра Тайшина они считали А. П. Волынского, которого также обвиняли в его желании якобы разбить партию Досанга и передать все его кибитки крещеному брату [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 386].

2 августа Петр Тайшин сообщал губернатору, что Нитар-Дорджи готовится к побегу на Кубань и для этого «готовит лошадей и сушит мясо» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 393об.]. Очевидцы отмечали, что, опасаясь за свою безопасность, днем он проводит время дома, а ночью уходит в степь: «калмыкам никакой обиды не делает и не токмо де людей бить или застреливать, но и скота ни у кого не отнимает, кроме того, что из улусу ево, Петрова, по несколько лошадей крадет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 393об.].

5 августа владелица Даши-Бирюн, вдова Гунделека, письменно сообщала губернатору о приезде в ее улус Нитар-Дорджи, который поведал ей о своем разгрома русском войском и причастности к этому губернатора. Она просила поддержки у губернатора, поскольку сообщала о том, что Досанг насильно принуждает ее выйти за него замуж [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 396об.].

12 августа Петр Тайшин сообщал губернатору, что брат его, Нитар-Дорджи, собрал вокруг себя 500 верных калмыков и собирается бежать на Кубань. Во всех своих улусах мятежный владелец стал «самовластен», поскольку старший брат «так спился, что уже и лежа пьет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 399]. Это весьма беспокоило П. Тайшина, и он приказал своей супруге с улусом откочевать к Дмитриевску [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 399].

12 августа к А. П. Волынскому прибыли зайсанги Самтан и Бюрлю с сообщением, что их владельцы, Церен-Дондук, Дондук-Даши и другие, готовы встретиться. На следующий день губернатор выехал из Дмитриевска на левый берег Волги и прибыл к указанным владельцам, которых сопровождали 2 тыс. калмыков. В разговоре А. П. Волынский поведал им о ставших недавно известными враждебных намерениях и действиях Досанга и Нитар-Дорджи не только против указанных владельцев, но и самого губернатора, которые ему. Исходя из этого, А. П. Волынский секретно информировал владельцев, что российские власти разрешают наместнику судить Досанга, «чтоб он с ним поступал по своим правам, как у них надлежит» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 400об.–401].

Церен-Дондук и Дондук-Даши благодарили в лице губернатора российскую императрицу и еще раз подтвердили ей свое верноподданство. А. П. Волынский заверил владельцев, что власти искренне стремятся установить мир между калмыками. Он также предложил им поделиться с ним своим мнением, как они собираются в дальнейшем поступать с Досангом. Но владельцы положились на волю императрицы и сами просили указание, как дальше им поступить в этом деле. А. П. Волынский в свою очередь дал им полное право вернуть силовым способом свои улусы, ранее захваченные Досангом. Разрешалось также подвергнуть разгрому и разделу улусы Хошот-Дондука и Лекбея, входивших в партию Досанга, им предполагалось оставить на пропитание только по сотне кибиток на каждого. Часть от захваченного предполагалось выделить и Петру Тайшину, чтобы по количеству кибиток он был равен брату Дондук-Даши. Кочевавший с Досангом улус вдовы Гунделека, Даши-Бирюн, рекомендовалось не трогать, поскольку она была на стороне губернатора. Однако А. П. Волынский сделал существенное в разговоре замечание, что он высказывает только свое личное мнение и никого из них ни в чем не принуждает. Присутствовавшие при разговоре владельцы поблагодарили губернатора и еще раз заверили, что выполнят любое указание императрицы в этом деле [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 400об.–401].

А. П. Волынский согласился с мнением, что Досанг добровольно не отдаст захваченные улусы, и силовое решение этого вопроса оставалось практически единственным. На вопрос губернатора, сколько при них сейчас имеется войска, Церен-Дондук, Дондук-Даши и Самтан ответили, что 3 тыс. человек. Это вызвало недоумение у А. П. Волынского, поскольку ранее Самтан ему заявлял, что при наместнике имеется 10-тысячное войско [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 401об.]. Церен-Дондук объяснил это тем, что они отправили с Дорджи Назаровым и Галдан-Данджином против казахов и каракалпаков 20-тысячное войско, поскольку получили сведения о крайне бедственном положении казахов за Эмбой после разгрома джунгарами. А. П. Волынский напомнил присутствовавшим владельцам, что неоднократно им советовал не посылать своих войск против казахов, а для начала решить свои внутренние проблемы. Наместник предложил губернатору, чтобы им в разгроме улуса Досанга была оказана военная помощь российскими войсками, поскольку он и его брат, Нитар-Дорджи, неоднократно нарушили свои договоренности с императорской властью. Однако губернатор ему ответил, что при нем не имеется столько войска для решения этой проблемы [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 401об.–402]. В результате они договорились о том, чтобы продолжать переговоры с Досангом о примирении, пока не решат вопрос с увеличением численности своего войска [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 402].

20 августа в Дмитриевск вернулся посланец наместника, Омбо, он сообщил о намерении Досанга помириться с братьями и прислать к губернатору зайсанга Билютку. По мнению Омбо, Досанг только говорит о своем желании мириться, однако «никакова склонения нет, кроме того, что объявляет знак злобы» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 406об.]. Посланник был свидетелем того, как Досанг приказал разорить жилища и разделить женщин и детей тех десяти калмыков, которые ушли к Дондук-Даши [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 406об.].

В разговоре Досанг расспрашивал Омбу о причинах разгрома россиянами Нитар-Дорджи. Посланник так объяснил ему действия властей: во-первых, Нитар-Дорджи нарушил мир, заключенный на Сапуновке под Астраханью, и разорил улусы братьев, к чему привлек и Досанга; во-вторых, он имеет намерение бежать на Кубань; в-третьих, избил переводчика В. М. Бакунина и многих русских людей побил и ограбил, а также имел намерение поймать губернатора и майора Беклемишева. За эти действия, как объяснил Омбо, россияне и разгромили Нитар-Дорджи, а другие калмыцкие владельцы в этом не участвовали, иначе бы не прислали бы предложение о мире. На все эти доводы Досанг ничего не ответил [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 406об.–407].

Улусные люди Досанга сообщили Омбе, что Нитар-Дорджи 20 августа планировал бежать на Кубань. С этой вестью посланник поспешил к губернатору в Дмитриевск [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 407].

Сведения о Нитар-Дорджи поступали к губернатору из различных источников. Например, в Саратове от калмыков узнали, что мятежный владелец со своими сторонниками остановился в устье реки Медведица и готовит по 3–4 лошади на человека, а также запасы сушеного мяса, чтобы бежать через линию на Кубань [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 407об.].

22 августа в Дмитриевске губернатор получил секретные сведения от калмыка Узденя, сообщавшего о намерении Нитар-Дорджи перед бегством на Кубань все же склонить на свою сторону Досанга и при возможности физически устранить Петра Тайшина и губернатора. Однако Досанг склонялся к варианту примирения с Дондук-Даши, чтобы всем братьям, сыновьям Чақдорджаба, можно было кочевать совместно [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 406об.–407].

Наиболее тревожной вестью от калмыка Узденя стало сообщение о нависшей угрозе над улусом вдовы Даши-Бирюн, остановившейся на реке Иловле, напротив Дмитриевска. Когда Досангу и Нитар-Дорджи стало известно, что по призыву губернатора вдова с улусом откочевала от их владений, то они срочно приказали собрать все войско «от мала и до велика» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 407–407об.].

Нитар-Дорджи с отборным отрядом из нескольких тысяч человек остановился на краю улусов, а Досанг с несколькими тысячами воинов, оставив улусы в междуречье Иловли и Медведицы, двинулся в район Дмитриевска, куда отправил своего зайсанга Билютку с письмом губернатору, с которым желал увидеться. Однако присутствие российских войск, охранявших улус Даши-Бирюн, сдерживало указанных владельцев от радикальных действий по отношению к ней [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 408–408об.].

Действительно, 22 августа в Дмитриевск прибыл зайсанг Билютка с письмом к А. П. Волынскому, в котором Досанг вполне миролюбиво подчеркивал, «что ссорится не желает, а желает примирится, токмо [ему] не верят» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 408].

В разговоре с губернатором Билютка дал ему разъяснение, что представленное письмо Досанг писал в присутствии Нитар-Дорджи и других калмыков. Однако при зайсанге имелось и другое письмо от владельца, которое он составил уже втайне от других и которое Билютка обещал привезти на следующий день [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 408].

23 августа зайсанг прибыл с новым письмом, в котором Досанг возлагал на Билютку устную просьбу к губернатору дать совет, что ему делать с непокорным братом: «поймать его или убить или окормить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 408–408об.], т. е. отравить. А. П. Волынский только посоветовал сделать то, что он ему обещал в Царицыне. Билютка сказал, что они, калмыки, одни ничего с ним не смогут сделать, и просил для решения этого вопроса предоставить им казачьи войска. Однако губернатор отказался от этого варианта, заявив, что не пришлет Досангу ни одного человека, а чтобы завоевать милость императрицы, он должен был самостоятельно решить проблему с братом [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 408об.].

Тогда Билютка предложил другой вариант, заключавшийся в примирении Нитар-Дорджи с российскими властями в лице астраханского губернатора. Возможность такого исхода зайсанг объяснил тем, что мятежный владелец все еще находился под влиянием Досанга и Билютки и пока отказывался от окончательного ухода на Кубань, рассчитывая на милость правительства и губернатора. Зайсанг предложил создать видимость такого примирения, а когда Нитар-Дорджи прибыл бы на встречу к губернатору, то тот мог бы его арестовать. А. П. Волынскому понравился такой вариант, и он обещал ему за задержание живого Нитар-Дорджи выплатить 500 руб., а за мертвого — 300 руб. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 409об.–410].

Антироссийские действия Нитар-Дорджи вызывали в калмыцком обществе сильное недовольство, и, по сообщению того же Билютки, «улусы их все от него, Нитара, застрашены» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 409]. Был известен случай, например, попытки убийства им брата Билютки, Ган-Шарапа. По мнению зайсанга, если «он, Нитар, будет в их улусах, то никогда не будет у них покоя» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 409].

Досанг и другие владельцы не знали, как успокоить Нитар-Дорджи, и просили совета у губернатора, склонялись даже к физическому его устранению [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 409].

А. П. Волынский согласился с тем, что Досанг не имеет отношения к враждебным действиям своего брата, но устранение Нитар-Дорджи он возлагал полностью на калмыцкую сторону. Он даже привел в пример события 1701 г., когда в Калмыцком ханстве случилась попытка убийства Чакдорджаба, отца Досанга, знатными ханскими людьми, Зунду и Чююли, с ведома хана Аюки и по приказу Гунджаба. Тогда эта история закончилась лишь ранением Чакдорджаба, но, по мнению губернатора, Досанг имеет все возможности для такого же физического устранения своего брата, подослав убийц из числа ближайшего окружения Нитар-Дорджи. В качестве такого кандидата А. П. Волынский привел вышеупомянутого Ган-Шарапа, который, по его мнению, «не токмо застрелить его, но и зарезать может, понеже он человек молодой» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 409об.–410]. К тому же у него была и личная причина совершить подобное убийство. Вместе с тем все эти рассуждения губернатор и его окружение высказали только как предложение Досангу и Билютке, оставив за ними окончательное решение по этому вопросу [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 410об.].

Завершив тайные переговоры, Билютка затем представил губернатору посланца Нитар-Дорджи, Адьяна, который преподнес письмо от своего владельца, где излагалась просьба в его прощении за прошлые проступки, «за что он к стопам ево припадет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 410–410об.].

Посланец в знак такой просьбы преподнес А. П. Волынскому в подарок от Нитар-Дорджи лошадь, «на которой он сам ездил» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 410об.]. Билютка между делом по секрету предостерег губернатора о том, что указанный посланец знает русский язык и при нем не следует обсуждать его владельца [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 410об.].

28 августа калмык Монколон докладывал губернатору о секретной договоренности между Досангом, Нитар-Дорджи и Петром Тайшиным, чтобы не отдавать улусы своим сводным братьям — Бату и Данджин-Дорджи. Их обвиняли в своего рода сепаратизме: «ссорились и отделились напрасно, отчего и отечество их разорилось» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 414об.].

Для других братьев, Дондук-Даши и Бодонга, вышеуказанные трое владельцев оставляли возможность вернуться в их владение, и в этом случае они готовы были первому брату вернуть 800 кибиток, а второму — 400. После они совместно планировали перейти Царицынскую линию или Волгу, присоединиться к улусам Хошот-Дондука и Даши-Бирюн, поскольку, как они считали, «лучше им помереть, нежели в бессилии быть» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 414об.].

В отношении Нитар-Дорджи, как передавал тот же Монколон, Досанг собирался поступить с ним как с «вредителем интереса Ея Императорского величества» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 414об.]. Также Досанг был настроен и против Бату и Данджин-Дорджи, «яко вредителем отечества своего» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 414об.].

30 августа к губернатору прибыли зайсанги Досанга — Билютка, Байбасар, Бишерер и Самандаган. Зайсанги должны были по поручению Досанга провести переговоры с губернатором, чтобы окончательно решить вопрос о Нитар-Дорджи. Они еще раз повторили то, что не могут решить эту проблему самостоятельно без поддержки российских войск, и просили для поимки мятежного владельца дать тысячу донских казаков. А. П. Волынский им объяснил, что российские войска невозможно провести незаметно к их улусам и поймать Нитар-Дорджи они могут только самостоятельно [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 418об.].

3 сентября губернатор со свитой выехал на левобережье Волги для встречи с наместником и представления ему грамоты. На встрече также присутствовали Дондук-Даши и многие знатные зайсанги [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 423об.–424]. На вопрос губернатора, какова численность всего его войска, Церен-Дондук озвучил цифру в 7 тыс. человек. Владельцы высказали мнение, что они должны сразу же атаковать владение Досанга, как только войско вернется из казахского похода, тем более что приближался зимний период и оно нуждалось в обеспечении. Это вызвало сомнение у А. П. Волынского, и он посоветовал Церен-Дондуку и Дондук-Даши увеличить численность своего войска, так как идти против Досанга, по его мнению, и 10 тыс. было не достаточно [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 425].

4 сентября губернатор отправил к Досангу астраханского дворянина Якова Епанчина, который должен был выяснить, желает ли владелец «мирится или нет». В этот же день он вернулся с зайсангом Самандаганом, который подтвердил желание Досанга к примирению. На размышление и окончательный ответ он просил у губернатора и наместника четыре дня [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 428–428об.].

6 сентября к губернатору вернулся калмык Токто, который ездил на разведку в сторону улуса Досанга, и сообщил, что Петр Тайшин намерен отправить к губернатору просьбу, чтобы ему вернули часть улуса, захваченного Досангом и Нитар-Дорджи. Также ему стало известно, что Даши-Бирюн³ собирается переправиться через Волгу на левый берег, но опасается Досанга и его брата. Опасения калмыцкой владелицы были не беспочвенными, так как указанные братья знали о ее намерении уйти на левобережье, и Нитар-Дорджи готовил войско, чтобы перехватить ее на переправе. При этом он применял репрессивные меры к тем, кто отказывался в этом участвовать. Так, по словам Токты, владелец лично убил одного из своих знатных калмыков, который пытался ему объяснить, что он не может идти в поход из-за отсутствия лошадей. Также Нитар-Дорджи силой отбирал лошадей у тех своих калмыков, кто имел табун от сотни и больше голов, и передавал в мобилизуемое войско [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 428об.–429об.].

8 сентября к губернатору от Досанга прибыл зайсанг Билютка с извещением, что его владелец поправил свое здоровье и планирует вернуться в улусы, чтобы арестовать или физически устранить Нитар-Дорджи, «яко противника Ея Императорскому величеству и вредителя своему отечеству». В случае убийства он готов был даже в качестве доказательства предоставить губернатору тело убитого брата. На просьбу Досанга предоставить ему в помощь сотню донских казаков губернатор ответил отказом, сославшись, что владелец с зайсангами могут самостоятельно устранить Нитар-Дорджи [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 430–430об.].

Билютка подтвердил дошедшие до губернатора сведения о мобилизации их войска против Даши-Бирюн. Он объяснил это тем, что Досанг и его зайсанги собирают войско для того, чтобы потом насильно захватить Нитар-Дорджи или убить. Зайсанг просил губернатора довериться им и поклялся, что с Даши-Бирюн ничего плохого не случится. На Досанга и его окружение серьезное влияние оказала присланная им императорская грамота с осуждением их действий, виновником которых они считали именно Нитар-Дорджи: «да он же Нитар и братьев своих Дондук Дашу, Бату, Данжин Доржу и мачиху свою Даши Бирюн озлобил, да к тому же и калмык многих перебил и перестрелял» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 430об.–431].

Губернатор попросил Билютку все-таки попытаться захватить мятежного владельца живым и доставить к нему, где он бы у него содержался под «черным караулом» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 429–429об.]. Узнав о беспокоящей зайсанга возможности того, что Нитар-Дорджи может выслужиться в российской армии и получить офицерский чин, а затем им всем начать мстить, А. П. Волынский поспешил его успокоить: «кто солдатом не служил, того и до высших рангов не допускают» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 430]. По его мнению, когда Нитар-Дорджи в тюрьме раскается, то он будет только благодарить Билютку и в улусы свои за свои злодеяния ему не будет возвращения. Билютка заверил губернатора, что они сделают все, чтобы захватить Нитар-Дорджи, а если это будет невозможно, то физически его устранят. По просьбе зайсанга ему было выделено вино для тех людей, кто будет непосредственно участвовать в убийстве мятежного владельца [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 430–430об.].

³ В цитируемом тексте в написании имени отсутствует дефис.

Однако слухи о готовящемся нападении на Нитар-Дорджи стали распространяться по калмыцким улусам. Об этом сообщила Даши-Бирюн, которая лично встретила с губернатором. Ей стало известно от людей Петра Тайшина, «что Досанг в улус едит затем, чтоб брата своего, Нитара, поймать или убить, и что для того зовет с собою и ево, Петра» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 432]. Владелице также было известно о сборе Досангом войска, чтобы идти против Нитар-Дорджи, и она просила совета у губернатора, как ей поступить, если у нее также будут просить войска. А. П. Волынский посоветовал ей все-таки предоставить ему небольшую часть войска, чтобы отвести от себя подозрения, а также для наблюдения отправить в улус Досанга надежного человека [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 432об.–433].

9 сентября Билютка сообщал губернатору, что Нитар-Дорджи получил известие от Петра Тайшина о готовящемся на него покушении со стороны губернатора и Досанга. Последний, зная об утечке этой информации, все равно выехал в войска и намерен был исполнить до конца задуманное дело. Одновременно Досанг отправил к Церен-Дондуку сообщение, чтобы тот прислал зайсангов для заключения договора о примирении [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 433об.–434].

Активность действий Досанга была вызвана еще и тем, что ему каким-то образом стало известно о готовящемся на него совместном нападении российских и калмыцких войск наместника и его сторонников. Поэтому Билютка просил губернатора отменить это приготовление и не разрешать Даши-Бирюн с улусом переходить Волгу. На решение проблемы с мятежным братом Досанг просил у губернатора пять дней. Однако А. П. Волынский особо не доверял обещаниям Досанга решить вопрос за тот срок, который он просил, поэтому приказал бригадиру А. Витерани усилить надзор за линией и не допустить возможного бегства калмыков через Дон [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 434, 435].

Убийство Нитар-Дорджи

Вскоре произошла и трагическая развязка в деле Нитар-Дорджи. Первой об этом губернатору 12 сентября сообщила владелица Даши-Бирюн, прислав к нему калмыка Цойжепа, вернувшегося из улуса Досанга. В этот день, пополудни, Досанг пригласил к себе в кибитку Нитар-Дорджи, где между ними началась драка, «отчего она кибитка вся тряслась» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 435–435об.]. После этого из нее выбежал Ган-Шарап, брат Билютки, и стал махать знаменем, приказав от имени своего владельца послать войскам сообщение: «что Нитар Дорджи за продерзость им, Дасангом, заарестован» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 435об.]. Однако пока ничего не было известно о Нитар-Дорджи, поэтому человек Даши-Бирюн, Зотбо, ставший свидетелем расправы, остался для дальнейшего наблюдения в улусе Досанга, а Цойжепа поспешил отправить к владелице [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 435об.].

В этот же день ночью в Дмитриевск прибыл Зотбо и сообщил губернатору об убийстве Нитар-Дорджи: «удавлен шелковой веревкою, а Дасанг де оно таит и разгласил, что будто он, Нитар Дорджи, силою пойман живой и вязан и потом уже умер» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 436].

13 сентября в Дмитриевск прибыли от Досанга зайсанги Байбасар и Билютка, которые и внесли окончательную ясность в этом деле. 11 сентября Досанг вернулся из Дмитриевска в войско, находившееся за рекой Иловлей, и перевел его

для ночевки в другое место. На следующий день он приказал созвать съезд своих зайсангов, пригласив и Нитар-Дорджи якобы для совещания. Первоначально брат отказывался приезжать, пока Досанг не сообщил ему, что Даши-Бирюн собирается с улусом перейти Волгу, и, для того чтобы не допустить этого, его присутствие в войсках было бы необходимым. Нитар-Дорджи поверил в это и в сопровождении сотни вооруженных людей лично прибыл к старшему брату в ставку. В кибитку к Досангу под видом секретного разговора пропустили только одного Нитар-Дорджи. Когда тот вошел, на него накинулись присутствовавшие там четверо зайсангов во главе с Байбасаром и Ган-Шарапом и связали. Первоначально они собирались отвезти его к губернатору, но, по словам зайсангов, Нитар-Дорджи «будто лежа связаной умер» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 436–436об.]. Сопровождавшие его люди все разбежались, и за ними было организовано преследование [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 436об.].

Прибывшие зайсанги пытались убедить А. П. Волынского, что Досанг не имел какого-либо отношения к антироссийским делам своего брата и в знак доказательства пришлет его тело и ближнего его человека Цойжепа. На просьбу зайсангов, «чтоб Досанга не оставить, так как и прежде не оставлен был» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 436об.–437], губернатор дал согласие и призвал его к скорейшему примирению с наместником и другими братьями [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 437].

После смерти у Нитар-Дорджи оставалось примерно тысяча кибиток, большинство из которых он насильно отобрал у других владельцев или это были беглые калмыки, находившие у него приют и промышленявшие грабежом в других улусах. Поэтому весть о смерти владельца быстро пронеслась по улусу Досанга, и многие калмыки в отместку хотели учинить разгром владения Нитар-Дорджи, чтобы вернуть свое имущество. Владельцу пришлось лично выехать в улус брата и не допустить бесконтрольного раздела. Совершив братоубийство, Досанг планировал в ближайшее время примириться с другими братьями — Дондук-Даши, Бату и Данджин-Дорджи [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 438].

За телом Нитар-Дорджи с вышеупомянутыми зайсангами из Дмитриевска были отправлены Олонецкого полка прапорщик Страхов с 50 драгунами и 200 донскими казаками. 14 сентября они вернулись и привезли труп погибшего владельца, пленных зайсангов — Цойжепа, приходившегося погибшему дядькой, и Дюбжура. При осмотре тела Нитар-Дорджи губернатор и его помощники обнаружили на шее следы удушения, а на теле — побои. Присутствовавший при опознании калмык Дакба-Сюндюк рассказал губернатору подробности убийства владельца и своем личном участии в числе тех, кто это сделал: «для поимки его, Нитаровой, были изготовлены в Дасанговой кибитке, (а он) был нарочно с лучною шелковою тетивою, и когда де Нитар в кибитке против их силою своею стал борониться и говорил Дасангу, называя его отцом, для чего он над ним так делает, тогда де Дасанг из оной кибитки вышел вон и за ним де вышел и Билютка, а брат де его Ган Шарап тетиву положил Нитару на шею петлею и тянул, и тако де его свалили с ног, завязали и потом де он, Нитар, умер» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 439–439об.].

После опознания власти разрешили братьям забрать тело Нитар-Дорджи, чтобы они могли его похоронить как владельца по калмыцкому обычаю.

Досанг через Петра Тайшина также пытался донести до губернатора о своей непричастности к делам погибшего брата и просил не допустить силового развития конфликта. Ему было известно о готовящемся на него нападении со стороны войск наместника и его сторонников [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 439об.–440]. А. П. Волынский отрицал эти сведения, заявив, что не допустит такого развития. Также по требованию губернатора Петр Тайшин вернул ранее выданную ему отраву для Нитар-Дорджи, поскольку последний был уже мертв [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 440об.].

14 сентября от Церен-Дондука вернулся Яков Татаринцов с сообщением, что часть калмыков сомневается в смерти Нитар-Дорджи, но большинство во главе с Дондук-Даши весьма рады этому обстоятельству. Прибывшие с ним представители наместника, Дондук-Даши и Дарма-Балы сообщили о нападении в августе на пограничный калмыцкий улус партии каракалпаков, которым удалось захватить немного лошадей и пленить людей. В этом же месяце к калмыкам прибыл казахский перебежчик, у которого жена, дети и другие родственники находились в калмыцком плену, и сообщил о готовящемся нападении много-тысячного казахского войска, движущегося со стороны Эмбы. Целью их были калмыцкие улусы, кочующие между Черным Яром и Астраханью. Калмыцкие владельцы просили губернатора выделить им пороха, свинца и как можно больше войска с артиллерией [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 441].

15 сентября в Дмитриевск приехали зайсанги от Досанга и Петра Тайшина с просьбой забрать тело брата, на что они получили разрешение. В этот же день прибыли 60 духовных буддийских лиц, которые забрали тело Нитар-Дорджи «с некоторою церемониею и с пением по своему закону» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 442об.].

Выводы

Рассмотрев вышеизложенный материал, отметим следующее:

1) инициатива убийства Нитар-Дорджи все-таки шла от калмыцкой стороны в лице его брата Петра Тайшина, обеспокоенного за свою жизнь, которой Нитар-Дорджи напрямую угрожал. Губернатор А. П. Волынский поддержал эту идею, хотя не исключал варианта его поимки;

2) старший брат Досанг также выступал за нейтрализацию мятежного брата, поскольку рассчитывал на снисхождение к своей персоне со стороны российского правительства и примирение с партией наместника Церен-Дондука, которая, как видим из документов, выступала за силовое решение внутрикалмыцкого конфликта;

3) убийство брата Нитар-Дорджи так и не усилило позиции Досанга, а, скорее, наоборот — создало условия дальнейшего упадка — как военно-политического, так и морального его авторитета в калмыцком обществе. В итоге он перестал не только претендовать на власть в Калмыцком ханстве, но и представлять какую-либо серьезную политическую силу, с которой можно было бы считаться;

4) физическое устранение Нитар-Дорджи не прекратило одномоментно политический кризис в Калмыцком ханстве. Однако оно устранило условия для силового его разрешения, за которое выступала часть калмыцкой знати и которое могло бы привести к разрушению всего калмыцкого общества.

История

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2-х кн. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Сень 2019 — *Сень Д. В.* Организация убийств как инструмент политической борьбы в южном пограничье первой трети XVIII в. (случай султана Бахты-Гирея) // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Мат-лы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практич. конф. (г. Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2019 г.). Ростов н/Д: Альтаир, 2019. С. 548–558.
- Цюрюмов 2005 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: Хроники династийных междоусобиц. Элиста: НПП «Джангар», 2005. 160 с.

References

- Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, People, Everyday Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats – Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. The Beginnings. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)
- Sen D. V. Assassinations as an instrument of political struggle in Russia's southern borderlands, 1700s–1730s: the case of Sultan Bahty Geray. In: Scientific Heritage of Professor A. P. Pronshtein and Topical Issues of Historical Science. Jubilee conference proceedings (Rostov-on-Don; March 22–23, 2019). Rostov-on-Don: Altair, 2019. Pp. 548–558. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate, 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds. Elista: Dzhangar, 2005. 160 p. (In Russ.)